

УДК 94 (363.6)

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ОЦЕНКЕ ОСТРОГОТСКОГО КОРОЛЕВСТВА ЭРМАНАРИХА

И.В. ЗИНЬКОВСКАЯ

Воронежский государственный
университет

e-mail: zinkovi@yandex.ru

В статье рассматривается одно из самых крупных варварских этнополитических образований IV в. на юге Восточной Европы, известное как королевство Эрманариха, продемонстрировавшее потенциальную возможность возникновения «*regnum barbaricum*» вне территории римских провинций. Определяется тип остроготской потестарности, а также ее место в политогенезе Восточной Европы.

Ключевые слова: Северное Причерноморье, готы, IV в., черняховская культура, королевство Эрманариха.

В IV в. на юге Восточной Европы появилось одно из самых крупных варварских этнополитических образований, известное как королевство Эрманариха. Оно было создано остроготами, или гревтунгами. История его взлета и кратковременного расцвета во многом еще не познана, хотя историография, посвященная остроготам в Восточной Европе, обширна и многообразна¹. Однако в нашей стране этой теме не везло до самого последнего времени в силу ряда причин, весьма далеких от науки. Официальная советская историография вплоть до 80-х гг. XX в., если и упоминала готов и Эрманариха, то подспудно стремилась преуменьшить масштабы и роль его королевства в истории нашей страны, ограничить его владения узкой прибрежной полосой в Северном Причерноморье и Приазовье. Уровень исторического развития остроготов оценивался не выше примитивного «союза племен»². При этом акцентировалось внимание на неопределенности сведений античной и византийской нарративной традиции о королевстве Эрманариха, а также на неоднозначности интерпретации вещественных источников в трудах археологов³.

В изучении готской проблематики в нашей стране ситуация стала кардинально меняться в 80–90-е гг. XX в., прежде всего, благодаря смене идеологических установок и прогрессу в археологическом изучении черняховской культуры. В последнее десятилетие увидели свет фундаментальные исследования по черняховской культуре, написанные в связи с готской проблематикой. Среди них, прежде всего, следует назвать многочисленные статьи М. Б. Шукина, вылившиеся в его итоговую монографию⁴, фундаментальное исследование Б. В. Магомедова⁵, работы А. В. Гудковой⁶, М. М. Казанского⁷, а также других российских и украинских археологов. Кажется, для нынешнего поколения ученых вышеназванные публикации вместе с недавно изданным в России капитальным трудом о готах австрийского историка Хервига Вольфрама⁸ подвели определенную черту в готоведении. Но остается еще во многом непознанным сам феномен королевства Эрманариха. Представляется, что он требует иного подхода и, прежде всего, более высокого уровня исторического анализа всего комплекса источников для осмысления этого неординарного потестарного образования⁹. В настоящей статье мы попытаемся определить тип остроготской потестарности, а также ее место в политогенезе Восточной Европы.

В науке можно встретить полярные оценки масштабов того этнополитического образования, которое известно в источниках под названием «королевство Эрманариха». Первый подход, сформулированный в германской историографии 2-й пол. XIX в., восходит к свидетельству Иордана в §§ 116–120 «Гетики». Готский историк VI в., писавший спустя полтора века после падения Остроготского королевства, представлял его как огром-

¹ Зиньковская И. В. Королевство Эрманариха: источники и историография. Воронеж, 2010.

² Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 25–40.

³ Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990. С. 136, 155–156.

⁴ Шукин М. Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб., 2005.

⁵ Магомедов Б. Черняховская культура. Проблема этноса. Monumenta Studia Gothica. Т.1. Lublin, 2001.

⁶ Гудкова А. В. I–IV вв. в Северо-Западном Причерноморье // Stratum plus. 1999. № 4. С. 235–404.

⁷ Kazanski M. Les Goths (Ier – VIe siècles après J.-C.). Paris, 1991.

⁸ Вольфрам Х. Готы. От истоков до середины VI века (опыт исторической этнографии). СПб., 2003.

⁹ Зиньковская И. В. Указ. соч. С. 9–10.

ную европейскую державу, включавшую не только приморскую полосу Причерноморья, но и внутренние районы, населенные «северными народами» (*arctoi gentes*). Большинство современных западноевропейских историков и некоторые российские следуют именно этому иорданову описанию владений Эрманариха¹⁰.

Противоположный подход был предложен еще дореволюционными российскими учеными, которые из патриотических соображений никак не могли допустить существование столь масштабного королевства на территории будущей России, созданного готами-германцами задолго до Киевской Руси. В этом смысле весьма показательны взгляды известного археолога и историка И. Е. Забелина. Он считал, что «Иордан изобразил историю готов такими чертами, что перед готами побледнели все другие народности»¹¹. Этой традиции следовали многие советские ученые. Так академик Б. А. Рыбаков ограничил владения последнего остроготского короля небольшими областями в Приазовье и на Нижнем Днепре¹². Для современных отечественных историков весьма характерна позиция В. Я. Петрухина. Он допускает существование варварского королевства на юге Восточной Европы, получившего в историографии наименование «держава» Германариха. В то же время, исследователь полагает, что большая часть этниконов из списка «северных народов» в § 116 «Гетики» Иордана не поддается ясной интерпретации, но выборочные и, на первый взгляд, понятные этнонимы провоцируют на исторические реконструкции, раздвигающие пределы державы Германариха от Черного моря до Балтийского и от Средней Европы до Волги. Кажется, эти возражения не связаны с источниковедческим анализом иорданова свидетельства о «северных народах», а по существу проистекают из традиционного для нашей науки неприятия тех огромных размеров остроготской «державы», которые неизбежно получаются при признании соответствий иордановых и летописных этнонимов. Итоговое заключение В. Я. Петрухина звучит так: «При всей неопределенности «этнического состава» Готской державы – неясности значения тех этниконов, которые перечислены в списке народов, – очевидно, что список включал «скифские» народы Северного Причерноморья, и власть готов едва ли распространялась в Восточной Европе за его пределы»¹³. Последнее же не столь очевидно, так как в перечне народов у Иордана нет ни одного этникона, который имел бы надежные соответствия в этнонимии Северного Причерноморья предшествующего времени. Не имея возможности детально проанализировать историографический аспект проблемы, отсылаем к нашей публикации, специально посвященной этому вопросу¹⁴. Здесь же мы рассмотрим фактические основания, позволяющие определить размеры владений последнего остроготского короля.

Данные позднеантичной литературной традиции позволяют в общих чертах определить территорию королевства Эрманариха. Его современник Аммиан Марцеллин обратил внимание на то, что подвластные королю гревтунгов области, куда вторглись гунны, были обширны и плодородны – «*late patentes et uberes pagos*» (Amm. Marc., XXXI.3.1). Он вполне определенно называет восточные рубежи его владений с аланамитанаитами где то в районе Нижнего Дона – «*quos Greuthungis confines Tanaitas consuetudo nominavit*» (Amm. Marc., XXXI.3.1). Напомним, что современная археология внесла в решение этого вопроса существенные коррективы. В низовьях Дона в последнее время стала известна серия катакомбных погребений кочевнического облика 2-й пол. III – IV в. По месту, времени и культурной принадлежности они не могут принадлежать никому другому кроме «алан-танаитов» Аммиана¹⁵. Правда, непосредственно к западу от Танаиса/Дона пока неизвестны археологические памятники, которые можно было бы

¹⁰ Топоров В. Н. Древние германцы в Причерноморье: результаты и перспективы // Балто-славянские исследования. М., 1983. С. 227-263; Щукин М. Б. Указ. соч. С. 208-209.

¹¹ Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Доисторическое время Руси. М., 1908. Ч. 1. С. 315.

¹² Рыбаков Б. А. Указ. соч. С. 37.

¹³ Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. М., 1998. С. 137-138.

¹⁴ Зиньковская И. В. О новых подходах к интерпретации списка «северных народов» в «Гетике» Иордана // ЭО. 2011. №4. С. 123-133.

¹⁵ Безуглов С. И. Аланы-танаиты: экскурс Аммиана Марцеллина и археологические реалии // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9. С. 80-87.

связать с гревтунгами. По данным археологии все степное Северо-Западное Приазовье в IV в. не имело какого-либо постоянного населения. Скорее всего, это была своего рода область «взаимного страха» между владениями готов-гревтунгов и алан-танаитов или своего рода «демилитаризованная зона», через которую аланы-кочевники и попадали в Нижнее Подунавье¹⁶.

Западной границей между владениями Эрманариха и везиготов-тервингов принято считать р. Днестр. Именно здесь Аммиан упоминает «вал гревтунгов» (Amm. Marc., XXXI.3.5), которому в этом районе можно найти достаточно близкие археологические соответствия¹⁷. С другой стороны, известно, что в 369 г. император Валент во время похода против тервингов Атанариха, после переправы через Дунай и продолжительного перехода напал на «воинственное племя гревтунгов, обитавшее в отдаленных местах» (XXVII.5.6). Получается, что в то время остроготы-гревтунги занимали земли недалеко от низовий Дуная, что находит подтверждение в новейших археологических данных¹⁸.

Текст «Гетики» Иордана также не оставляет сомнений в том, что королевство остроготов было весьма масштабным военно-политическим образованием, включавшем при Эрманарихе значительную часть территории Восточной Европы. По представлениям готского историка, его владения простирались между Нижним Доном и Днестром, за которым начинались земли везиготов-тервингов. В этом отношении его сведения существенно не расходятся с данными Аммиана Марцеллина. Но, в отличие от римского историка, помимо причерноморского юга Иордан включил в «державу» Эрманариха отдаленные северные области восточноевропейского хинтерланда, населенные различными лесостепными и лесными племенами. Среди них он называет и эстов в Прибалтике, и многочисленных венетов, живших к северу от домена остроготского короля, и средневожских *Merens* и *Mordens*, а также другие *arctoi gentes* (Get., 116-119).

Итак, свидетельства Аммиана и Иордана о владениях Эрманариха позволяют заключить, что им было создано крупное военно-политическое образование, включавшее значительную часть Восточной Европы. Сведения нарративной традиции об остроготском королевстве хорошо коррелируют с данными археологии. Современные исследователи не сомневаются в том, что по месту и времени ему может соответствовать только обширная территория черняховской культуры к востоку от Днестра. Весьма показательным, что ее расцвет в IV в. приходится на годы правления короля Эрманариха (333-375 гг.). Сейчас уже никак нельзя упрекнуть археологов в той пестроте мнений по проблеме этнического содержания черняховской культуры, как это можно было сделать пару десятилетий назад¹⁹. Поэтому представляется возможным рассматривать классическую черняховскую культуру IV в. к востоку от Днестра как своего рода «государственную» культуру королевства Эрманариха. Становится все более очевидным, что она являлась материальным отражением процессов объединения различных племен и народов в рамках формирующейся готской потестарности, которые археологически проявились в распространении вещей единого стиля, технологических инноваций, домостроительных традиций, погребальной обрядности. Сам факт образования единой археологической культуры с рядом существенных признаков, более свойственных уже ступени цивилизации, весьма показателен. Поэтому в последнее время некоторые исследователи предлагают отказаться от названия «черняховская культура» и заменить его на «черняховскую цивилизацию» или «протоцивилизацию» как на понятие, более соответствующее уровню сложности оставившего его социума²⁰.

¹⁶ Левада М. Е. Миф о городищах черняховской культуры // Готы и Рим. Киев, 2006. С. 65.

¹⁷ Вульпе Р. Верхний вал Бессарабии и проблема гревтунгов к западу от Днестра // МИА Юго-Запада СССР и РНР. Кишинев, 1960. С. 259-270.

¹⁸ Васильев А. А. Сарматы и черняховское население Буджака во второй половины III – начала V вв. н. э.: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Киев, 2008. С. 16.

¹⁹ Буданова В. П. Готы в эпоху Великого переселения народов. С. 20-23, 46.

²⁰ Приходнюк О. М. О культурно-историческом содержании археологических общностей (к проблеме интерпретации черняховской культуры) // Stratum plus: время великих миграций. 2000. № 4. С. 36-51; Войнаровский В. Н. Проблема культурной атрибуции памятников типа Черепин III-V вв. н.э. (производственный комплекс Гряда I около Львова) // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. Тула, 2010. Ч. 2. С. 70; Брайчевский М. Ю. Періодизація історичного розвитку Східної Європи в I тис. н. э. // Археологія. 1994. № 3. С. 15.

Картографирование черняховских памятников показало, что в границах IV в. эта культура охватывала огромную территорию – от Северского Донца и верховой Дона на северо-востоке до Дуная на юго-западе, от притоков Припяти на северо-западе до нижнего Днепра на юге. Черняховская культура занимала площадь свыше 400 000 км². Для сравнения укажем, что территория современной Украины составляет чуть более 600 000 км². Если принять во внимание размеры черняховской территории, а также удивительное единство стиля ее культурного ядра, то не остается сомнения в том, что мы имеем дело с так называемым крупномасштабным обществом²¹. Следует заметить, что более крупного образования в европейском Барбарикуме мы не знаем вплоть до возникновения Франкского королевства.

Аммиан Марцелин в отношении владений Эрманариха не употребляет ни один из латинских политонимов позднеантичной эпохи, ограничившись вышеприведенной его краткой характеристикой. Впервые королевство Эрманариха прямо называется в рассказе Иордана о наследовании им власти короля Гебериха, когда он «*in regno successit*» (Get., 116). Здесь следует напомнить, что исследователи по-разному переводят латинский политоним *regnum*, называя обширные владения остроготского владыки «королевством», «родовым королевством», «военным королевством», «державой», иногда даже «империей»²². Он восходит к основе, связанной с лат. *rex*. Вслед за А. Я. Гуревичем, мы допускаем перевод этого термина в применении к германскому правителю как «король»²³. Почти все исследователи едины во мнении, что у римских авторов, писавших о древних германцах, лат. *rex* являлось точным переводом близкого по индоевропейской основе готского слова *reiks*. На основании лингвистических и иных данных складывается впечатление о том, что Иордан оперировал в своем сочинении некоторой моделью готской королевской власти, которую он отличал от иных властных форм²⁴.

Поэтому владения Эрманариха правомерно называть королевством²⁵, а не «союзом племен», как принято в нашей научной литературе, начиная с 30-х гг. прошлого века. Для наблюдателя со стороны подвластные Эрманариху земли представлялись *regnum*, а сам он именовался *rex Gothorum* (Get., 119). Но важнее другое – в источниках не содержится ни одного свидетельства о подлинно союзнических отношениях остроготов с народами, входившими в их военно-политическое образование IV в. Наоборот, все они оказались в его составе в результате завоевания, покорения, подчинения (Get., 116-120).

Попытаемся определить властные полномочия остроготского короля. В его руках находилась высшая военная власть. «*После поражения герулов Германарих двинул войско (arma commovit) против венетов*» (Get., 119). Источники почти ничего не сообщают о характере, составе и численности остроготского племенного войска, которое на их языке называлось *harjas* (в рунических надписях – *hari*)²⁶. Несколько позднее Евнапий (fr. 37) и Олимпиодор (fr. 9) именуют остроготских воинов «благородными». Любопытно, что последний называет готские отряды также «оптиматами», то есть «лучшими». Скорее всего, речь здесь идет не о «народе-войске», а о королевской дружине (гот. *drauhti*). На ее наличие указывают не только многочисленные успешные войны Эрманариха, но и свидетельства Иордана в описании его победы над венетами. «*Но ничего не стоит великое число негодных для войны, особенно в том случае, когда и бог попускает, и множество вооруженных подступает*» (Get., 119).

Как сейчас установлено на материалах истории различных народов, формирование «дружинной» системы было важным шагом в переходе от традиционного родоплеменного устройства к раннеклассовому обществу. Более того, современные исследователи считают дружину государствообразующим институтом и главным органом зарождающе-

²¹ О понятии «крупномасштабное общество» см.: Березкин Ю. Е. Америка и Ближний Восток: формы социополитической организации в догосударственную эпоху // ВДИ. 1997. № 2. С. 3-24.

²² Зиньковская И. В. «Regnum» Эрманариха: лингвистический и исторический анализ // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2010. № 1. С. 215-219.

²³ Гуревич А. Я. Древние германцы. Избранные труды. Т. 1. М., 1999. С. 69.

²⁴ Санников С. В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в раннесредневековой западноевропейской историографии. Новосибирск, 2009.

²⁵ Bierbrauer V. Ostgoten // Lexikon des Mittelalters. München-Zürich, 1993. Bd. VI. S. 1530.

²⁶ Вольфрам Х. Указ. соч. С. 145-150.

гося государства ²⁷. Они рассматривают «дружинное государство» в качестве одного из промежуточных звеньев между «вождеством» и «ранним государством». Скорее всего, именно дружина, а не ополчение, как в III в., составляла основную военную силу остроготского короля. Вероятно, именно дружина сыграла решающую роль в превращении его владений в огромную территориальную державу.

По древней германской традиции готский король, прежде всего, управлял своим народом. Поэтому Иордан, говоря о готских королях, чаще всего употребляет глагол *regnare* (Get., 27) и производные от него, в одном случае латинское выражение *tenens principatum* (Get., 121). Однако весьма показательным, что при описании деяний Эрманариха Иордан использует другой глагол *imperare*, подчеркивающий абсолютный характер его королевской власти над завоеванными народами – «*propriis laboribus imperavit*» (Get., 120). На наш взгляд, это выражение отражает иной характер владычества короля Эрманариха над покоренными народами в сравнении с его же властью над соплеменниками, для которых он оставался *rex Gothorum* (Get., 119). В отношении некоторых побежденных народов (герулов, венеков) в «Гетике» употребляется еще более сильный глагол *servire* (Get., 118, 119). Рассказ Иордана о заговоре росомонов и о жестокой расправе Эрманариха с Сунильдой проливает свет на деспотический характер власти последнего остроготского правителя (Get., 129). Известно, что преемник Эрманариха, гораздо менее могущественный Винитарий (не случайно Иордан именует его не *rex*, а *regulus*) для устрашения антов распял побежденного их вождя Божа вместе с 70-ю старейшинами-«приматами» (Get., 247).

При оценке власти Эрманариха следует обратить внимание на интересное свидетельство Иордана, который утверждал, что остроготский король заставил все покоренные народы «повиноваться своим законам» (Get., 116). Здесь готский историк употребляет обычное латинское выражение «*suisque parere legibus fecit*», хотя ему известно подлинное название древнейших, собственно готских законов, которые *до сих пор зовутся «белагины»* (Get., 69). Только вряд ли они на самом деле были записаны в те далекие времена, о которых говорится у Иордана. Скорее всего, это были нормы обычного права, применявшиеся для судопроизводства в собственно готской среде ²⁸. В таком случае, вышеупомянутые *leges* Эрманариха могли быть чем-то вроде *jus gentium* архаического римского права, использовавшегося при судопроизводстве над покоренными остроготами народами Восточной Европы, тогда как белагины – собственно готскими правовыми обычаями. Если это так, то в юридической сфере королевство Эрманариха уже переросло тот рубеж, который отделял традиционные доклассовые общества от раннеклассовых, где отношения между людьми все больше определяются не обычаем, а правом.

Огромные размеры контролируемой Эрманарихом территории и немалое число подчиненных народов свидетельствуют о мере его владычества. Не исключено, что оно проявилось даже в его «имени», как его сохранили латиноязычные источники: у Аммиана Марцеллина (XXXI.3.1) – *Ermenrich*, в «Гетике» Иордана один раз – *Hermenerig* (§ 79), в остальных случаях он использует латинизированную форму *Hermanaricus* (§ 116, 119, 120, 129, 247, 250). Почти сто лет назад З. Фейст предложил оригинальное толкование имени этого короля как гот. *Airmanar-reiks*, где *Airman* – Великий, Знатный, Благородный, а *reiks* – властелин, государь, судья ²⁹. Вслед за ним Н. А. Ганина реконструирует гот. форму *Ermanarīks из *Erman* – великий, могучий и *rīks* – царь ³⁰. Если это так, то *Ermanarīks, возможно, не личное, а почетное имя, титул, подчеркивающий владычество последнего остроготского короля, намного превосходящее власть его предшественников.

Но, отдавая должное могуществу Эрманариха, все же, кажется, не следует преувеличивать степень его единоличной власти. В рассказе Иордана о нашествии гуннов сохранился свидетельством о существовании у остроготов народного собрания вроде герман-

²⁷ Мельникова Е. А. К типологии предгосударственных образований в Северной и Северо-Восточной Европе // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992-1993. М., 1995. С. 22; Шинаков Е. А. Образование древнерусского государства: сравнительно-исторический аспект. Брянск, 2002. С. 30.

²⁸ Grimm J. Über Jornandes und die Geten. Kleine Schriften. Berlin, 1866. Bd. III. S. 228.

²⁹ Feist S. Vergleichendes Wörterbuch der Gotischen Sprache. Mit Einschluss des Krimgotischen und sonstiger zerstreuter Überreste des Gotischen. Leiden, 1939. S. 132, 396.

³⁰ Ганина Н. А. К интерпретации сообщения Иордана об Эрманарихе (Getica, 116-130) // Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его текст: мат-лы конф. М., 2003. С. 41.

ского тинга: «*suoque cum rege deliberant, qualiter tali se haste subducant*» – «и стали расуждать со своим королем, как бы уйти от такого врага» (Get., 129). На наш взгляд, это свидетельство является подтверждением той важной роли, которую еще играли военно-демократические традиции в жизни готского общества в последние годы его существования на юге Восточной Европы.

По современной типологии ранних варварских политий, *regnum* Эрманариха было уже суперсложным вожжеством. На наш взгляд, предложенная Н. Н. Крадиным концепция суперсложного вожества³¹ вполне применима к остроготскому социуму, которое по материалам черняховской культуры было полиэтническим и насчитывало как минимум сотни тысяч человек. Но, разумеется, оно не было кочевым, а базировалось на комплексном земледельческо-скотоводческом хозяйственном укладе. В этом смысле остроготский материал, кажется, заставляет внести существенные коррективы в концепцию суперсложных вожеств Н. Н. Крадина, которые якобы всегда создавались только кочевыми народами. В Остроготском королевстве мы явно имеем случай такого масштабного вожества, созданного на ином оседлом земледельческо-скотоводческом укладе.

В науке давно установлена определенная связь между признаками наличия в том или ином обществе государственности и цивилизации³². Недавно Н. Н. Крадин составил корреляционную таблицу между десятью основными критериями сложного общества³³. Мы воспользовались ею и провели корреляцию между наиболее характерными признаками черняховской культуры по тем же критериям. В результате выявилась сильная связь между такими важными признаками как «оседлость», «агрикультура», «высокие ремесленные технологии», «транспорт», «монеты», «политическая интеграция» и, в меньшей степени, «социальная стратификация» и «письмо». Большинство из перечисленных признаков указывают на увеличение культурной и социальной сложности черняховского общества, более соответствующей или близкой стадии цивилизации. Есть все основания говорить о том, что черняховцы достигли уровня второго общественного разделения труда, когда ремесло отделялось от сельского хозяйства. В то же время в черняховском социуме отсутствовали (или находились в зачаточном состоянии) урбанистические структуры, которые обычно рассматриваются в качестве надежного признака цивилизации, хотя очень крупные поселения площадью в десятки гектар у черняховцев известны. Сейчас можно говорить и о других проявлениях «цивилизованности» населения, вошедшего в состав «державы» Эрманариха. Это археологические находки хирургических инструментов (щипцы, ланцеты), римских весов и гирек, стеклянных кубков с греческими и латинскими заздравными надписями вроде: «*Пей, живи и радуйся!*», стеклянных жетонов для римской игры *calculi*, роговых и костяных гребней, являющихся показателем определенного уровня развития личной гигиены и др.

Большинство советских ученых, опиравшихся на марксистскую формационную концепцию истории, относили остроготское общество к той ступени исторического развития, которая традиционно характеризовалась как разложение родоплеменного строя (А. Р. Корсунский, Э. А. Рикман, Э. А. Сымонович, В. Д. Баран и др.)³⁴. Отсюда и определение статуса остроготского объединения как союза племен. Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков, В. И. Довженок определяли черняховское общество как складывающееся раннефеодальное³⁵. Но, как известно, феодальным оно так никогда и не стало. Кажется, нельзя относить его и к «дофеодальным» обществам³⁶, тем более, что само это понятие подвергает-

³¹ Крадин Н. Н. Кочевые общества. Владивосток, 1992. С. 146-152.

³² Ерасов Б. С. Государство и цивилизованное устройство общества. Государство в истории общества (к проблеме критериев государственности). М., 2001. С. 309-341.

³³ Крадин Н. Н. Археологические признаки цивилизации. Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград, 2006. С. 192-193.

³⁴ Корсунский А. Р. О социальном строе вестготов в IV в. // ВДИ. 1965. № 3. С. 64; Рикман Э. А. Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М., 1975. С. 253-262; Сымонович Е. О. «Князівські» поховання черняхівської культури // Тези доп. V Поділ. ист.-краєзнав. конф. Кам'янець-Подільський. 1980. С. 128-130; Баран В. Д. Черняхівська культура: За матеріалами Верхнього Дністра та Західного Бугу. Киев, 1981. С. 129; Винокур І. С. Історія та культура черняхівських племен Дністро-Дніпровського межиріччя II-V ст. н. е. Киев, 1972. С. 154-155.

³⁵ Павленко Ю. В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). Киев, 1989. С. 241.

³⁶ Юшков С. В. К вопросу о дофеодальном («варварском») государстве // ВИ. 1946. № 7. С. 64-65; Неусыхин А. И. Дофеодальный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефео-

ся обоснованной критике в современной медиевистике³⁷. Наконец, в последнее время некоторые исследователи (М. Ю. Брайчевский, О. М. Приходнюк, В. Н. Войнаровский) пришли к заключению, что черняховское общество уже значительно ушло от первобытности и находилось на пути к построению своей государственности без уточнения ее типа. Так, по оценке О. М. Приходнюка это было многоэтническое, полугосударственное общество, консолидирующееся в единый социальный организм, по уровню развития достигшее стадии «протоцивилизации»³⁸.

Проанализированные выше данные нарративных источников и археологии позволяют описать остроготское общество эпохи Эрманариха как многоуровневую социально-политическую организацию. В ней выделяются надплеменной («имперский»), национальный (готский), региональный и местный (общинный) уровни организации для регулирования социальных отношений в формирующемся полиэтничном обществе. Оно разделялось, по крайней мере, на три сословия (страты): 1) правящий королевский род Амалов и его окружение, включая дружину, 2) свободные готы, 3) различные группы зависимого населения, данники. При этом у остроготов отчетливо прослеживается процесс развития экзополитарной системы эксплуатации, направленной на другие, покоренные этносы и ресурсы отдаленных областей (эсты, венеты, «северные народы»). К тому же в отличие от везиготов у остроготов даже в IV в. не выявляется сколь-нибудь многочисленного слоя знати, оставившей погребения т. н. «княжеского ранга».

Как видно из этой характеристики, социально-политическая организация готов не обладала базовыми признаками феодального общества даже в самом зачаточном его состоянии. Да этого не могло быть и в силу стадийного фактора – в IV в. признаков феодального общества не было нигде. Зато здесь налицо почти все характеристики формирующегося «раннеклассового общества» и «раннего государства», как оно представляется современным исследователям³⁹.

На наш взгляд, приведенные выше базовые характеристики королевства Эрманариха во многом (хотя и не во всем) соответствуют критериям «раннего государства», недавно предложенным Л. Е. Грининым, одним из ведущих специалистов по проблеме раннего политогенеза⁴⁰. Оставившее черняховскую культуру многочисленное, изначально неоднородное в этническом отношении население проживало в рамках крупномасштабного сообщества, по размерам и уровню сложности вполне сравнимого с «ранним государством». Причем, если исходить из типологии Л. Е. Гринина, по размерам оно скорее соответствовало «крупному раннему государству». Здесь важно не забывать, что «раннее государство» – это всегда государство неполное, какие-то очень важные его элементы еще отсутствовали или были еще недоразвиты⁴¹. Часто такие «неполные» государства только надстраивались над обществом, ограничиваясь военными и редиистрибутивными функциями, сбором дани, установлением повинностей и пошлин, не проникая в толщу его жизни. Естественно, в нем сохранялось еще много остатков и элементов предыдущей стадии развития. Но важно то, что уже не они определяют сущность новой политики – формирующегося «раннего государства», каковым, скорее всего, и становилось Остроготское королевство при Эрманарихе.

Известно, что многие «ранние государства» появлялись на последнем этапе политогенеза, когда на первое место выдвигается война. Ее цель – не просто грабеж, а увеличение территории и населения для производства и реализации избыточного продукта. Здесь мы имеем дело с моделью политогенеза, ведущей к становлению так называемого

дальному // СВ. М., 1968. Вып. 31. С. 45-63; Васютин С. А. Основные этапы трансформации политических структур «дофеодальных варварских обществ» в эпоху Великого переселения народов и раннее Средневековье // СВ. М., 2007. Вып. 68 (4). С. 34-65.

³⁷ Глебов А. Г. О некоторых особенностях раннесредневековой государственности в Западной Европе // Власть, общество, индивид в средневековой Европе. М., 2008. С. 11-19.

³⁸ Приходнюк О. М. Указ. соч. С. 38-39.

³⁹ Классен Х. Дж. Было ли неизбежным появление государства? // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград, 2006. С. 73.

⁴⁰ Гринин Л. Е. Раннее государство и его аналоги // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград, 2006. С. 86-87, 112.

⁴¹ Гринин Л. Е. От раннего к зрелому государству // Раннее государство, его альтернативы и аналогии. Волгоград, 2006. С. 525-526.

«военизированного общества» как одной из разновидностей «ранних государств». У истоков Остроготского королевства стояли более ранние «военные политии» готов III в., наложившиеся на местные потестарные образования. Скорее всего, они начали оформляться еще во время миграции в Скифию при короле Филимире в конце II – начале III вв., так как у переселенцев в условиях постоянной военной опасности и столкновений с коренным населением неизбежно должна была усиливаться военная власть короля⁴². Результатом такого завоевания стал межэтнический симбиоз и иерархия территорий, возникновение отношений «готский центр» и «местная племенная периферия». Изначально королевство остроготов несло на себе отпечатки крупных перемен, ярче всего запечатленных в пассаже Иордана о «деяниях» Эрманариха. Здесь «раннее государство» образовалось на базе суперсложного вожества с сильной властью вождя-короля, опирающегося на войско-дружину в процессе завоевания и присоединения новых обширных территорий. В итоге на юге Восточной Европы складывалась новая этнополитическая общность, видимо, включавшая и везиготов «судьи» Атанариха, которую Иордан назвал *societas* (Get., 130). Такая схема остроготского политогенеза хорошо согласуется с современными представлениями о начале государственности, которая чаще всего рождалась в результате каких-то резких перемен.

В целом, остроготы Эрманариха проявили явно большее стремление к масштабному политическому образованию, нежели везиготы-тервинги, долгое время сохранявшие в Гуттиуде (*Gutþiuda*) племенное дробление с вождями-«судьями» во главе⁴³. Экспансию остроготов на север и северо-восток осуществляла пассионарная, воинственная, хотя, скорее всего, и не очень многочисленная группа племен, а точнее – дружин, привычных к подвижной жизни⁴⁴. Основное направление экспансии на север, вдоль больших рек, было обусловлено не только естественным стремлением овладеть главными торговыми магистральями Восточной Европы, но не в последнюю очередь – невозможностью продвижения готов на юг к границам богатых римских провинций, особенно после поражения, нанесенного им Константином Великим в 332 г. В результате с Империей был заключен мирный договор (*foedus*), не нарушавшийся варварами до 367 г. Кажется, совокупность этих предпосылок и факторов сыграла не последнюю роль в возникновении обширного *regnum* Эрманариха, хотя, конечно, не следует сбрасывать со счетов и личные заслуги этого могущественного остроготского короля. Судя по впечатляющим результатам его завоеваний, он обладал качествами харизматического лидера, сумевшего создать в Восточной Европе, если верить Иордану, «державу», по масштабам мало уступавшую Руси IX в.

Известно, что одна из очевидных характеристик перехода к государственности – это «эффект снежного кома»: если он пришел в движение, то двигается все быстрее и быстрее⁴⁵. По меркам того времени образование «державы» Эрманариха происходило весьма стремительно, на глазах одного-двух поколений. В результате впечатляющих военных успехов власть короля становилась все более сильной и непререкаемой. О росте государственности говорят и те функции верховной власти короля (военная, административная, законодательная, судебная, сакральная), которые упоминались выше. Все это сопровождается ростом принуждения и контроля, яркие примеры которых сохранил рассказ Иордана. Согласно рассмотренным свидетельствам Иордана, отношения между Эрманарихом и завоеванными им племенами складывались по принципу прямого «подчинения его законам», что приводило, по всей видимости, к образованию настоящей «варварской империи», с сильными центробежными тенденциями и возрастающим напряжением на периферии. В этом смысле политогенез у остроготов под управлением Эрманариха, скорее всего, шел по третьему пути образования «варварских королевств», недавно выделенному Вернером Гётцем⁴⁶. Он вел к политической централизации огромно-

⁴² Nordgren I. The Well Spring of the Goths: about the Gothic peoples in the Nordic Countries and on the Continent. N.-Y. Lincoln. Shanghai, 2004. P. 555.

⁴³ Санников С. В. Методологические аспекты изучения процесса становления ранних форм государства у германских народов // Исторический ежегодник: сб. науч. тр. Института истории СО РАН. Новосибирск, 2008. С. 40-54.

⁴⁴ Шукин М. Б. Указ. соч. С. 210-215.

⁴⁵ The Early State / Ed. H. J. Classen, P. Skalnik. Hague, 1978. P. 624-625.

⁴⁶ Regna and Gentes. The Relationship between Late Antique and Early Medieval Peoples and Kingdoms in the Transformation of the Roman World. Brill, Leiden, 2003. P. 609.

го восточноевропейского региона, к формированию системы управления его разноэтничным населением. Известно, что сама по себе королевская власть, как и всякая политическая власть, имеет тенденцию организовать подвластное население в нечто социально целое, новую этнополитическую общность (*societas* Иордана). То же мы видим и по археологическим материалам черняховской культуры. Укрупнение социально-исторических организмов было важным условием прогресса общества, особенно на стадии классообразования и политогенеза.

Возможно, если бы развитие Остроготского королевства не было насильственно прервано гуннами, оно бы трансформировалось в зрелое государство. Еще раз отметим, что по уровню развития общественного разделения труда (агрикультуры, различных ремесел), население черняховской культуры по сути уже достигло стадии ранней цивилизации⁴⁷. Не вызывает сомнений, что у черняховцев существовала частная собственность, о чем свидетельствуют замки и ключи, найденные не только на поселениях, но и в могилах, а также институт, близкий германскому одалю (гот. *haimoblī*). Определенное развитие в обществе получило денежное обращение, на что прямо указывают многочисленные находки римских монет (на территории черняховской культуры известно свыше 20 000 экз.) и целые клады (более 180). Весьма развитой была и внешняя торговля с римскими провинциями (массовый позднеантичный импорт) и с северными областями Восточной Европы (продукция черняховских ремесел)⁴⁸. Принятие христианства частью готов являлось важным показателем степени зрелости их общества. Об уровне их интеллектуального и духовного развития свидетельствует не только руническая письменность, но и умение черняховцев пользоваться греческим и латинским алфавитами. Исследователи не без основания допускают, что, по крайней мере, какая-то их часть могла быть грамотной⁴⁹.

И это не удивительно, если вспомнить о многочисленных конструктивных контактах готов с Римской империей, в особенности во время службы готской молодежи в качестве римских федератов в ее провинциях. Только по договору с Константином Великим 332 г. 40 тыс. готов стали федератами Империи (Get., 111-112). Т.е., значительная часть варваров была постоянно инкорпорирована в Империю в качестве федератов. Скорее всего, последние и были той главной «движущей силой», которая приносила и прививала соплеменникам элементы высокой античной культуры – ведь каждый федерат на годы службы был культурно и политически интегрирован в римский мир. Отсюда он возвращался на родину во многом другим человеком, познавшим римскую армейскую дисциплину и тактику, познакомившимся с иным образом жизни, вкусившим цену денег и т.п. Во многом именно через таких ветеранов-федератов постоянно осуществлялся синтез достижений античной цивилизации и варварской культуры, который мы наблюдаем в черняховских древностях. Это служило мощным культурным катализатором социального развития готского общества IV в.

Но из-за трагических событий 375–376 гг. полиэтничное *regnum* Эрманариха так и осталось где-то на пороге цивилизации и самой ранней ступени государственности. На склоне лет все деяния Эрманариха были сведены на нет гуннским нашествием, а сам король покончил жизнь самоубийством (Amm. Marc., XXXI.3.2) или умер от раны, нанесенной заговорщиками-«росомонами» (Get., 129). Гуннское нашествие – это не первый и, к сожалению, далеко не последний случай проявления «кочевнического тормоза» в истории Восточной Европы. После гибели Эрманариха остроготами, оказавшимися под властью гуннов, долгое время управлял лишь их собственный царек (*regulus*). На несколько десятилетий они утратили свое *regnum* и опять превратились в народ-войско, продвигающееся на Запад с оружием в руках среди враждебных племен и народов.

Как бы то ни было, «держава» Эрманариха демонстрировала потенциальную возможность возникновения варварского королевства вне территории римских провинций, в восточноевропейском Барбарикуме. Но в отличие от более поздних варварских госу-

⁴⁷ Зиньковская И. В. Об уровне экономического развития Остроготского королевства Эрманариха // Вестник ВГУ. 2013. №2. С.44-51.

⁴⁸ Зиньковская И. В. К вопросу о торговле и денежном обращении в Остроготском королевстве Эрманариха // Вестник ВГУ. 2013. №1. С.33-40.

⁴⁹ Шукин М. Б. Указ. соч. С. 171-173; Ганина Н. А. Готские языковые реликты: автореф. дис. ... докт. фил. наук. М., 2008. С. 11-12.

дарств V–VI вв., сложившихся в различных частях гибнущей Империи, она не имела питательной «римской» почвы, городов и других институтов старой цивилизации («синтезная зона»), хотя кое-что из нее готы успели воспринять.

Остроготы Эрманариха находились между варварством и цивилизацией как в стадильном, так и в геополитическом смысле. По ряду исторических свидетельств и объективных археологических показателей они достигли начальной ступени цивилизации, хотя в их повседневной жизни и социальной организации сохранялось еще очень много архаики. Представляется, что это был один из возможных путей исторического развития Восточной Европы на рубеже Древности и Средневековья. По своему геополитическому положению, полиэтничной структуре и роли в нем речных магистралей королевство Эрманариха IV в. в известной мере было предтечей Руси IX в., также возникшей на главных торговых путях Восточной Европы, связывающих Север и Юг. Объективно оно представляло первую попытку превращения разрозненных локальных миров Восточной Европы (степного, лесостепного и лесного) в крупномасштабное, обретающее государственность сообщество.

TO HISTORICAL ESTIMATES OSTGOT KINGDOM OF ERMANARIC

I. V. ZINKOVSKAYA

Voronezh State University

e-mail: zinkovi@yandex.ru

This article is devoted to one of the largest ethno-political barbaric formations of 4-th century in the south of Eastern Europe known as the Ermanaric's kingdom, which demonstrated the possibility of forming «regnum barbaricum» outside the territories of the Roman provinces.

Key words: Northern Black Sea region, Chernyakhov culture, Goths, 4th century AD, Ermanaric's kingdom.